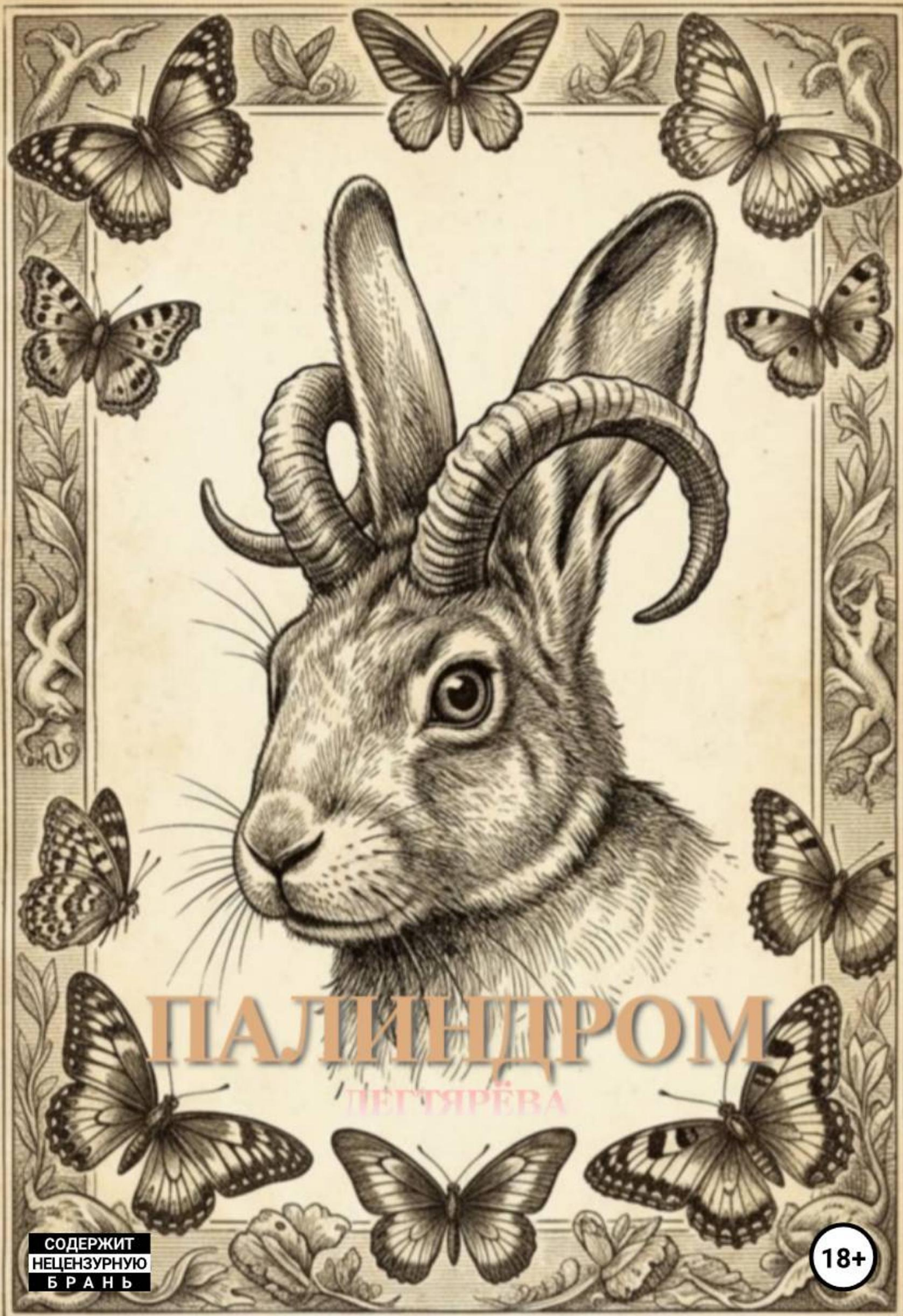

ПАЛІНДРОМ

ПЕГІЯРОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дегтярёва
ПАЛИНДРОМ

«Автор»

2026

Дегтярёва

ПАЛИНДРОМ / Дегтярёва — «Автор», 2026

Роман-омнибус, объединяющий повести: "Меня здесь нет", "Вудхил", "Вина" и "Молчание". Мрачный прибрежный Хэйлмут и туманный горный округ Вудхил кажутся независимыми очагами жестокости. В одном месте молодая Лия пытается вырваться из лап безумных братьев-маньяков, теряя грань между реальностью и удушливыми ночными кошмарами. В другом — частный детектив Кассандра ищет свою пропавшую десять лет назад семью в логове зловещего тоталитарного культа. А где-то вдали, на Немом Мысе, Александр Сторелли, мечтающий о пенсии, будет вынужден окунуться в истинную природу своей вины. Разомкнётся ли круг страданий? Был ли в них смысл? Какую цену им придётся заплатить за годы молчаливого согласия?

© Дегтярёва, 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ 1. МЕНЯ ЗДЕСЬ НЕТ	5
ГЛАВА 1. РОЙ	6
ГЛАВА 2. РИСУНОК НА ПЕСКЕ	8
ГЛАВА 3. ЗАЙЧИК	13
ГЛАВА 4. КОРОБКА	18
ГЛАВА 5. ГДЕ ЖЕ ТЫ БЫЛ, МИЛЫЙ ДРУГ?	23
ГЛАВА 6. С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ,	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

ПАЛИНДРОМ

ЧАСТЬ 1. МЕНЯ ЗДЕСЬ НЕТ

ГЛАВА 1. РОЙ

Кажется, осень окончательно вошла в своё право. Сырость заполнила пространство от пола до потолка, проникая в самые узкие зазоры и мельчайшие трещины домов; листва осыпалась, оставляя за собой гнилостный запах, предрекающий скорую зиму. Ветер же, который раньше обнимал меня за щёки, игриво лаская волосы, теперь приносит колкое ощущение чего-то бесповоротно грядущего.

Сегодня мне снился сон, где я наконец-то была абсолютно счастлива. Рой невероятно красивых ярко-розовых бабочек увлёк меня в густой зелёный лес. Но, несмотря на его чашу, я чувствовала, как солнце целует не только моё лицо, но и кончики пальцев, которыми я касалась мшистых стволов. Лес был полон жизни: щебетание птиц разносилось со всех уголков этого хранителя чистоты; на некоторых ветках скакали белки, изредка задерживая на мне любопытный взгляд. Я пробиралась сквозь кустарники, проводила руками по листьям и, не торопясь, стараясь ощутить всё это тепло, шла за роем. Бабочки вывели меня на опушку и упорхнули, оставив на губах улыбку. Так я и оказалась у реки, а на другой её стороне чей-то силуэт выгружал из своего багажника тело. Он положил его почти у самой воды; закрыл машину и уехал. И вдруг моя яркая летняя картинка изменилась — пошёл снег.

Проснувшись. Я посмотрела в окно, но снега там не было; за стеклом шумел только дождь, затянувшийся на целую неделю. Но ощущение никуда не исчезло: сон оставил после себя глухую дрожь и... страх. Ужасающее чувство, предрекающее беду, начало которой уже было положено не мной.

« Или мной? Может, я просто замёрзла и поэтому снятся такие дурные сны? Вряд ли кого-то убили, вряд ли меня это коснётся. Пропавших без вести людей часто не находят, а я... »

— Лия, спускайся, ты опаздываешь! — крикнул Марк, высунувшись из окна своего драндулета, который и машиной-то грех назвать. — Если вечеринку опять пропустим, то Джо с нас потом три шкуры спустит. Шевели задом, давай! — прокричал он снова и начал истошно жать на клаксон.

« Ты или я? Я или ты? Ты или я? Лия... »

— ПОШЁЛ В ЖОПУ, МАРК! — выпалила я в ответ, рванув на себя оконную раму. Я прекрасно знала: он от меня без ума. — Уже иду!

Возненавидела пунктуальность Марка всем сердцем. Пришлось собираться гораздо быстрее, чем я планировала, к тому же совсем забыла про стирку... Хотя, если честно, я вовсе и не хотела идти к Джо. Не понимаю, почему им все восхищались. Да, в этом захудалом городишке мало чем можно заняться, и кто-то действительно находил отдушину в вечеринках, которые тот закатывал. От Джо никогда не пахло добросердечностью и порядочностью. В городе ходили слухи: все его тусовки — удобное прикрытие; пока большая часть молодёжи у него дома веселится и радуется, дружки хозяина дома обносят пустующие квартиры, словно саранча. Местная полиция то ли в доле, то ли умышленно закрывает глаза на это беззаконие. Ведь если они их переловят, то что им расследовать дальше? Никаких премий и наград. Одна мрачная статистика и бюрократия. Но это всего лишь слухи.

Я выбежала на улицу, мимоходом захватив с собой сумку, которая лежала на комод у входной двери.

« Ну, по крайней мере, красть у меня нечего: дом практически разваливается. Спасибо, родители. Спасибо, местная мэрия ! »

— Вау, сегодня ты менее бледная, чем обычно. Праздничный настрой? — выплюнул Марк, стоило мне только захлопнуть дверь его пикапа.

— Если ты называешь ЭТО праздником, то у меня для тебя плохие новости. — хмуро буркнула я; знала бы я тогда, зачем вообще согласилась туда поехать.

— Ты же знаешь, что Джо важна визуальная составляющая. Да, он знатный балабол, но какой эстет, а! — Марк закурил сигарету и завел мотор. — Там, кстати, будет Эрик. Не коробит?

— Уже вернулся с вахты? — усмехнулась я. — Надеюсь, на этот раз заработал что-то помимо хламидий.

— Ууу, подруга, ты не поверишь. Он хвастался, что припрётся со своей новой пассией... Как её там... Лизи... Лози... Лианой... Короче, с кем-то точно будет.

— ТИШЕ, ВПЕРЕДИ ВЫБОИНА! МАРК! — в панике закричала я, до боли в пальцах вцепившись в приборную панель; совершенно не понимала глупой жажды скорости — вечно несётся как угорелый.

— Всё в порядке, в этот раз без ремонта на месяц, не ссы, — вальяжно протянул он, выкидывая окурок в окно. — Может, радио включить?

— Да, это гораздо лучше твоей тупой болтовни.

Марк попытался поймать хоть какую-то волну с подборкой любимого рока девяностых; к сожалению, сегодня радио сильно барахлило, из-за чего пришлось остановиться на унылом местном вещании.

— Так вы встречались с ним где-то? — тихо спросила я, и внутри тут же вспыхнуло раздражение: зачем я снова начала об этом думать...

— А? А, да, виделись пару дней назад у автозаправки, — Марк весело отмахнулся. — Такой весь напидоренный стоял, лысину будто ветошью для боулинга натёр: наверно, скоро станет амбассадором хлорофилла. Будешь знать, кого винить в пасмурной погоде, я тебе говорю!

Он засмеялся так громко со своей глупой шутки, что и мне невольно передался этот настрой; всё же он умел вовремя сместить вектор внимания.

— Так что не парься, там буду я, и этого вполне достаточно, — добавил он, сбавляя скорость. — Ты давай, марафет наводи, я пока медленнее поеду.

«Срочные новости: на берегу реки Хэйлмут сегодня в 9:30 утра было найдено тело молодой девушки. Её приметы: длинные каштановые волосы, среднее телосложение, на губе небольшой заживший шрам; возраст — приблизительно 22 года. Если у кого-то есть ценная информация о погибшей, просьба немедленно сообщить в отделение местной полиции; следственные группы...»

Я подводила глаза в этот момент, и карандаш в моей руке задрожал; точнее, задрожала сама рука. Я нервно перевела взгляд, чтобы посмотреть на реакцию Марка на такие пугающие новости.

— Пу-пу-пу, ну и денёк... Не повезло же кому-то, — единственное, что он смог ответить.

— Как думаешь, кто она? И кто её убил? — я тяжело сглотнула и хрипловато промычала.

— Убил? Откуда такие поспешные выводы, глупышка? Может, девчонка сама сиганула с моста от очередной неразделённой любви. А имя не назвали, так, видимо, не местная просто, — он резко крутанул руль. — Чёрт! Пропустил поворот... Теперь придётся на другом свернуть, одни кретины на дорогах.

— Да, и мы на ней, — подытожила я.

— Да, и мы, — ответил Марк, поправляя зеркало заднего вида.

ГЛАВА 2. РИСУНОК НА ПЕСКЕ

Мы познакомились с Марком, когда были полны надежд, чисты и непорочны — познакомились, когда были ещё детьми. Я не всегда находилась в этом городе: училась в местном колледже, но после часто уезжала и жила в других местах; Марк же всегда оставался здесь. Но, что бы ни происходило, мы старались поддерживать связь и быть рядом, особенно в моменты трудностей... Несколько месяцев назад умерла его мама, и я решила вернуться, чтобы помочь справиться с горем; бросила свои кости в родительский дом, который неоднократно пытались снести, и устроилась варить кофе в ближайшей кофейне. Знаю, он переживает, хоть и не показывает этого: я никогда не видела раньше, чтобы он так сильно плакал, как в тот день... И даже после всех горестей я вижу в нём того взбалмошного светловолосого паренька, у которого жвачка застряла в брекетах. Я так хочу, чтобы у него всё получилось; очень хочу, чтобы он был счастлив — не иллюзорно и не масочно, а испытывал самое что ни на есть осязаемое счастье.

«Но, Марк, меня начала пугать собственная тень. Скажи, ты хотя бы заметил?»

Двери пикапа звонко захлопнулись, но даже этот грохот не смог заглушить тяжёлый бас, разносящийся на весь квартал. Кажется, вечеринка была в самом разгаре.

Дом Джо не отличался большими или громоздкими размерами: обычное одноэтажное здание с небольшой комнатой на крыше, где хозяин хранил всякий чердачный хлам. Этот дом удивительным образом вмещал в себя кучу людей, словно заживо поглощая их. Складывалось стойкое впечатление, будто за вход здесь платят не моральными качествами, а годами жизни, проведёнными в этой дыре. И всё же постройка находилась в хорошем состоянии, почти новьё; да и обширный задний двор хранил в себе немало местных секретов и легенд... Там, на одной из прошлых тусовок, мы впервые поцеловались с Марком. Потом Марк с Джози, затем с Сашей... Там же мы с ним и обозначили наши личные границы.

Мы с Джо никогда особо не ладили, но он неизменно питал ко мне... странные чувства, наверно. Со временем шутки перестали быть шутками и переросли в откровенно сальные комментари. Этот кабанистый доморощенный бандит нравился разве что недалёким девчонкам.

— Ой! А вот и вы! Мы тут уже ставки делали: придёте или не! — опережая нас, распахнула дверь Саша.

При виде неё я невольно вспомнила свои же мысли о недалёких людях.

— Джо с ребятами у себя в комнате во что-то режутся, остальные толпятся в гостиной. А, ну и Эрик ошиивается на заднем дворе, проходите! — Саша буквально впихнула нас внутрь. — Да, и ещё, Лия... Классно выглядишь!

«Это была ложь. Мерзкая ты шл...»

Стоило мне повернуться лицом к гостиной, как мимо носа, точно оса, пролетел острый дротик; он с треском отколошметил от косяка у входной двери и упал на ботинок.

— Бля, ты опять проебался, мелкий. С тебя две сотки! — восторженно завопил один из парней вдали комнаты.

— Чё? Ты мне сам-то сотку когда вернёшь? — парировал невзрачный паренёк.

Очередная эпопея местных придурков. Только и остаётся себя успокаивать мыслями: «Ты здесь не ради себя, не ради себя...» Марк сразу же ушёл поздороваться с остальными обитателями данного ареала, а я завернула на кухню, чтобы налить воды. Руки всё ещё тряслись и, наливая воду в стакан, я случайно разлила её на чей-то телефон. Реакция последовала незамедлительно: с криками из-за угла на меня вылетела сожжённая (может, и прожжённая) блондинка.

— Э! Слышь, ты, овца, руки из жопы растут? — изрыгнула девица.

« Странно: такие белоснежные зубы и такая вонь изо рта. И где их учат так уродливо скалиться? »

— Я тя спрашиваю, ты хоть знаешь, сколько он стоит?!

— Вряд ли дороже твоих эскорт-услуг, раз уж ты смогла его себе позволить, — отрезала я.

Мне не привыкать отстаивать свои границы, но я давно не встречала столь неприкрытой грубости. Здесь иначе и не получится: схавая — сожрут.

— Чё ты ща сказала, тварь?! — взвизгнула она, багровея от ярости.

— Так, тихо! Лайма, душа моя, что ты орёшь вечно на гостей? Ты же в курсе, что...

Эрик. Картинка застыла: этот придурок действительно облысел. Жаль, что не в момент, пока пафосно отчитывал свою очередную «находку». Он посмотрел на меня исподлобья, сверху вниз, словно был победителем в играх, о которых меня почему-то забыли предупредить.

— Теперь понятно, Лия! Прости, крошка, — бросил Эрик своей пассии. — Ты же помнишь, как я тебе рассказывал о своей сумасшедшей бывшей, которая мне в обивку тачки яйцо через шприц закачала? Теперь всё встало на свои места.

Крошка Лайма наконец-то сжала издевательски тонкие губы, недовольно нахмурила лоб, чмокнула Эрика в щёку и что-то прошептала ему на ухо; в ответ тот размашисто шлёпнул её по заднице, и девица удалилась в другую комнату. Жаль, что не вместе с ним.

— Ну, что, — продолжил Эрик, бесцеремонно отобрав у меня стакан, из которого я успела сделать лишь пару глотков. — Сегодня не пьёшь? Не хочешь, как в прошлый раз?

Ухмылка расплылась на его мерзкой роже, вызывая во мне приступы подступающей тошноты.

— Смотря какой прошлый раз ты имеешь ввиду, Э-Р-И-К, — прорычала я в ответ. — Когда ты набухался до беспамятства и облевал всю машину, или когда пьяный залез в дом бабки Марты и украл у неё птицу?

« Гуся мне тогда было жалко: столько стресса... »

— А чё, бабка Марта хорошая, да и гусь, как я слышал, жив и здоров. Но нет, милая-милая Лия, — Эрик внезапно подошёл ко мне сзади, прижал к раковине своим весом.

Одна его ладонь скользнула по моим бёдрам, а другой он взял меня за челюсть.

— Я совсем не о тех вечерах говорил. Помню, как три года назад ты буквально молила, чтобы я подольше оставался с тобой... или в тебе!

— Три года назад я явно была не в себе, но ровно то же самое ты болтаешь всем вокруг, не так ли?

Мне удалось вырваться: я перехватила его пальцы, сжимавшие моё лицо, и с силой отбросила от себя в сторону; рука Эрика врезалась костяшками в деревянную тумбочку. И тут этот ублюдок жалобно заскулил.

— В следующий раз твою руку я отгрызу, мразь.

Я пулей выскочила из кухни и направилась на поиски Марка. Комнат в этом доме было совсем немного; однако давящая атмосфера, минимум света сводили меня с ума. Дёрнула ручку в комнату Джо, и... замерла. Мне редко доводилось бывать в его комнате, но не помню, чтобы на стене мерцала кислотно-розовая неоновая бабочка.

— О-о! Лия, моя вечная любовь, а я думал, где тебя черти носят. Проходи, чё как не родная-то! — развязно крикнул Джо, привычно, по-павлиньи, вставая с дивана. — Марк сказал, что ты, это, ненадолго тут, а я так скучал... Веришь, не?

Он подошёл и нагло обнял меня. Как же описать эти ощущения? Словно капкан сомкнулся прямо на моей шее, а безмолвные свидетели лишь хлопали глазками, когда лису настигал охотник.

— Слушай, а ты чего дрожишь? Так рада меня видеть? — Джо облизнулся, повернулся в сторону своих дружков и бросил им: — Парни, выйдите-ка на пару секунд. Нам бы поболтать.

Приятели хозяина дома тут же подорвались и захлопнули за собой дверь. В комнате воцарилась тишина.

— Джо, где Марк? — я наконец-то смогла найти в себе силы выскользнуть из его цепких лап.

— Так он, это, ушёл. Говорит, встретится сейчас с кем-то и вернётся. Час-два делов: подождёшь со мной, не заскучаешь!

— Когда он ушёл?

«И ничего не сказал мне? Бросил в этом клоповнике, полном тараканов, крыс и вшей, и... ушёл?!»

— Да, это, минут пять назад. Тут, походу, недалеко: тачка же стоит его, — Джо почесал свой затылок и вернулся на диван. — Бабочка нравится?

— Ч-что? — замялась я.

— Да ты всё пялишься на стену. Это мой... клиент, — протянул он. — Подарил в счёт удачной сделки. Я же тут, это, бизнесмен теперь, ха-ха-ха!

Он потянулся за стаканом с виски, хмурым взглядом выцепил оттуда уже мёртвую муху и залпом выпил.

— Странно. Холодно уже.

— Холодно, — эхом отозвалась я. — А что за клиент?

Я стояла как вкопанная и пыталась понять, как связать воедино всё, что сегодня происходило вокруг.

— Если не секрет, разумеется.

— Ох, Лия. Ты многое пропустила! Помнишь, как-то лет сто назад, хах, моя прабабушка держала ферму недалеко от Хэйлмут? Земля давно ушла на торги, но я конкретно поднапрягся, так что теперь официально землевладелец! — горделиво расписал Джо. — Бабка моя ебанутая была, конечно, но недвижимость есть недвижимость. А продал кто — не знаю, мы лично не виделись. Но давай лучше не об этом, да.

— Ясно, поздравляю. Пожалуй, подожду Марка на заднем дворе или у его машины, скажешь ему, когда вернётся? Пожалуйста.

— Конечно, миЛИЯ! Кстати, — Джо подлетел ко мне, — потрясно выглядишь! Если что, то я тут. Один. Приходи!

«Очередная липкая ложь и сальная ахинея пронеслись над головой. Нет, утырок, и с тобой оставаться наедине опасно. Я вас знаю, даже не зная.»

Сразу пошла проверить, действительно ли пикап Марка всё ещё стоит у дома; верить словам Джо — последнее, что здесь стоило делать. Прошмыгнув между толпами уже в стельку пьяных гостей, я вернулась на улицу. Машина оказалась не тронута. Не соврал.

«Но почему тогда Марк ничего мне не сказал, зная, насколько здесь может быть дискомфортно? Обещал быть рядом, а сам... И кто поздним вечером мог ему назначить встречу? Надеюсь, что сам Господь Бог, иначе он у меня получит!»

Из мыслей меня выдернула Лайма, которая оралась с Эриком у входа. «Неужели так и не смог приручить милую бэмби, а, Эрик?»

— ТЫ СОВРАЛ МНЕ, МЕРЗКИЙ ПОДОНОК! — Лайма совсем не сдерживалась, подняв на уши всю тусовку. — Ещё одна наглая ложь, и ты поймёшь, насколько крупно обосрался!

«Да, Лайма, после такого обосрутся тут все».

— Ну, котёнок, ты кому веришь вообще?! Я с ней не спал...

Пощёчина, как раскат грома или как фейерверк, оглушительно окутала сегодняшний вечер.

— Слышь, Лия! — в этот раз Лайма разъярённо обратилась ко мне. — Вы с ним трахались, да?!

— Он, конечно, скорострел, но не настолько же, — зеваки начали смеяться. — Меня в своё говно не втягивайте.

Я не успела и глазом моргнуть, как ястребиная морда уже была возле меня. *«И где же ты, “крошка”, успела испачкать свои беленькие копытца?»*

Она схватила меня за волосы и пыталась ударить о капот пикапа, но в ответ за это я съездила ей под дых. Завязалась драка. Лайма подло поставила мне подножку, намереваясь повалить, но устойчивость её каблучков сильно подвела, и я сама оказалась сверху. Это была моя первая драка за 24 года жизни: безумно волнительно! Я знаю, что подобные акты агрессии нельзя ничем оправдать. Но в здешних краях, к сожалению, это давно стало нормой. Именно поэтому я когда-то уехала отсюда. Из-за всего, что здесь привычно и считается приемлемым; из-за того, что здесь уважают то, за что уважать и не стоит вовсе.

Лайме прилетело по челюсти. Удар. Ещё удар. Эрик подбежал к нам и, вместо того, чтобы спасти свою драгоценность, достал телефон и начал снимать происходящее на видео. Сквозь пелену дождя я отчётливо услышала звуки полицейской сирены и мигом слезла с неё.

— Нахер мне не сдался твой урод, нашла, кому верить, дура! — зло выплюнула я.

Лайма тяжело опёрлась на колено правой ноги и попыталась подняться; Эрик взял её под локти и потащил на себя. Она встала, нервным жестом поправила волосы и харкнула в мою сторону. И снова раздался дикий смех: слюна позорно осталась у девицы на подбородке и теперь капала на некогда роскошное блестящее платье.

Мне поначалу казалось, что кто-то из бдительных соседей вызвал полицию из-за драки и шума. Однако несколько патрульных машин с воющими мигалками, поравнявшись с нами на секунду, проехали мимо.

«Марк... Ну, где же ты?»

Шум тусовки медленно затих: кто-то, забыв убавить звук на телевизоре, включил местный новостной канал. Из динамиков сообщалось, что прямо сейчас проводится задержание главного подозреваемого в убийстве неопознанной девушки, найденной сегодня утром у реки. Местные власти, безусловно, не раскрывали личность задержанного до официального объявления пресс-службы. Нас попросили сохранять спокойствие и следовать правилам безопасности: не ходить в лес после заката и надёжно запирать двери.

Меня тут же унесло ветром, стоило только прослушать новости. Марк предусмотрительно оставил ключи в зажигании; вожу я, конечно, неважно, но ожидание и мандраж скрутили желудок, а ком в горле перерос в неподъёмную тяжесть. Марк по-прежнему не отвечал на звонки. Ничего и не писал в ответ. Я совершенно не знала, куда себя деть, но возвращаться плакать в жилетку местным друзьям очередного, возмнившего себя пупом земли, придурка, точно не собиралась.

«Куда он мог пойти?»

Я объездила все близлежащие заправки и круглосуточные кафе, несколько часов кряду колесила вокруг его дома, была даже в нашем месте детства, но Марка там не нашла.

«Может, он на кладбище?»

Я не ошиблась. Оставив угнанную машину у самого въезда, со всех ног побежала к силуэту среди могил, подсвечивая дорожку телефонным фонариком.

— Марк! Где ты был всё это время? Почему ничего не сказал мне?!

— Лия... — проворчал он, сидя на сырой земле у одной из знакомых плит. — Кажется, я сглупил... Извини меня.

Я принудительно направила луч фонарика на него. На его лице виднелись следы свежей драки, но тёмная кровь уже успела запечься; костяшки обеих его рук были рассечены, а на шее виднелись красноватые следы от цепочки, которую он никогда не снимал и которая теперь куда-то исчезла.

— Марк... Ну, что ты... Что с тобой случилось? — голос предательски колебался.

Я робко села рядом с ним и взяла за руку; ладонь Марка была невероятно холодной, даже ледяной. Меня сковало.

— Марк... пожалуйста. Я сейчас сойду с ума, что с тобой стряслось?

— Я столько всего наворотил... Лия, я так много должен тебе рассказать... — он обхватил мои пальцы крепче, зажимая в тиски.

Испуг в его глазах заставил меня сжаться, почувствовать себя такой маленькой, практически неосязаемой — молекулой, которую вот-вот поглотит великан.

— Ответь честно, умоляю: это ты замешан в том убийстве?

Воздух замер. Ни ветра, ни моросящего осеннего дождя.

— Что? — недоумённо переспросил Марк. — Ха-ха, Лия, если ты о той девчонке у моста, то нет, боже, о чём ты? Да как ты вообще... — он перестал смеяться и пристально посмотрел на меня. — В твоих глазах я настолько плох, а?

Марк отпустил мои руки, поднялся со скользкой земли и галантно протянул мне ладонь:

— Здесь всё давно изменилось, ты и не понимаешь, насколько. Но я не причастен к убийству, клянусь.

— Обычно убийцы так и говорят, — скрестив руки на груди, сухо продолжила. — Тогда где ты успел так нажраться и подраться? От тебя за километр несёт спиртным.

— По запаху на меня вышла, лиса? — Марк усмехнулся, и мы направились в сторону пикапа.

— Явно не по телефону.

— Точно, я оставил его у Джо. Там же и наклюкался, кстати!

— Но тебя не было в доме. Сказали, мол, ты куда-то ушёл практически сразу, как мы приехали... — задумчиво сказала я.

— Не, я был с ребятами в подвале. Закусился с одним уникамом и решил прогуляться. Тебе кто такое сказал вообще, Лия?

— Джо и сказал.

— Нашла кому верить! Запрыгивай, ты сегодня за рулём. — Марк открыл передо мной дверь водительского сиденья.

ГЛАВА 3. ЗАЙЧИК

Вчерашний день съел меня практически целиком. Мы вернулись за полночь, и от усталости Марк сразу рухнул спать. Я положила его на кровать, а сама легла на диван, который, как мне кажется, разбирался один раз в жизни — как только был куплен, и больше никогда не собирался. Именно поэтому украшением ему служили следы от сигаретных бычков; удивительно, что обивка не была прокурена. Я достала плед и одеяло, застелила как могла, приземлилась и закрыла глаза. Незнакомый голос стал разъедать голову, которая и без того гудела.

« Ты или я? Я или ты? Лия... »

Но встать меня заставил не голос: я почувствовала, будто кто-то дотронулся до моего локтя, неприятной сырой хваткой потянул за запястье. Нащупала телефон и включила на нём фонарик — рядом никого не было. Посветила в углы и в проход, что вёл в коридор, — ничего странного. Справа от дивана стоял небольшой комод, над которым висело старое на вид зеркало. На самом комодe выстроилось несколько фотографий, и одна из них лежала лицевой частью вниз.

Приведя дыхание в порядок, я решила проверить и другие комнаты, но сначала подошла к упавшему снимку, подняла его и... ничего. На фото нас было трое: я, Марк и его мама. Даже помню, когда была сделана эта фотография: примерно десять лет назад, нас обоих, благодаря его маме, провозжали в детский лагерь недалеко от города. Марк протестовал, не хотел ехать без своей новой подружки, но Сара уговорила его:

— Марк, зайка, вы едете туда всего на три недели. Лето скоро закончится, и вы оба не заметите, как вырастете. Пока есть возможность — стоит за неё ухватиться и насладиться. А если твоя новая подруга не сможет тебя дождаться, то какой смысл в вашей дружбе? Ты хочешь, чтобы Лия была там одна?

Нет, он не хотел. И это был наш лучший отдых, если честно. Это было последнее беззаботное лето, которое мы провели вдвоём, когда солнце грело в два раза сильнее, а мир был насыщеннее и добрее, чем сейчас. Всё пахло жизнью.

Я провела пальцами по фото и аккуратно поставила его на место. Дверь в комнату Марка была приоткрыта. Тихонько толкнув её, я посмотрела, как он мирно сопит в подушку, бережно обнимая старого детского зайчика.

На кухне тоже всё было спокойно. Я попила воды и решила вернуться. Мне явно требовалось наконец забыться сном.

Лето... Я так люблю лето. Душа расцветает с первыми почками на деревьях, а запах полевых трав уносит далеко-далеко в детство. Мы с ребятами из соседних домов каждый день выбегали играть и дурачиться, возвращаясь лишь поздним вечером, если родители нас спохватятся. Нет, здесь речь не о безответственности. Когда становишься старше, то приходит понимание: всегда придётся чем-то жертвовать в этой жизни, жаль только, что жертва эта, чаще всего, — время, которое не вернуть никогда. Здесь не так много хорошей работы, так что родители брались за любую, какую могли, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Никому нет никакого дела, как ты крутишься, лишь бы в рамках закона: загибайся, но налоги плати. Иногда за нами приглядывали подростки постарше, но мы предпочитали убегать в лес, в наше тайное место.

На опушке леса мои щиколотки щекотали кузнечики. Казалось, что река шумит невыносимо громко, пульсируя в барабанных перепонках. В этот раз я стояла лицом к выходу из чащи; в груди разливалась необычайно глубинная тоска по месту, в котором я одновременно есть и в котором я никогда не была. Своими маленькими лапками бабочки начали царапать мне веки; они цеплялись каким-то необъяснимым огнём за мою кожу, словно показывая, что я не смогу вернуться в эту чашу. Отмахивалась руками, старалась нежно достать одну из них,

зацепившуюся за складку века на правом глазу. Так я и оказалась у самой воды, смывая холодной речной струёй остатки детских грёз.

Сердце больно закололо в груди, когда раздался рёв мотора, летящего навстречу воде. Снова этот силуэт. Лицо неизвестного было обезображено, искажено до невозможности, но ядовито-жёлтые глаза, которые он на меня перевёл, выжгли остатки надежды. Стало ясно: меня это коснётся, и моя бывшая непоколебимость окончательно надломилась.

Никогда бы не могла подумать, что сны оставляют столь осязаемые следы. Открыв глаза, я ощутила, как ладонь Марка лежит на моей руке. Он нежно гладил меня по пальцам.

— Хм, дорогой мой... Мы, конечно, близки, но чтобы настолько! — я вяло рассмеялась.

— Прости, не хотел тебя будить. Всё хорошо? Просто ты как-то... дёргалась во сне, — он убрал руку и спрятал пряди моих волос за ухо. — И... что-то говорила.

Я долго всматривалась в спинку дивана, пытаюсь уловить что-то кроме тяжести, скопившейся за эти дни. Не привыкла говорить о том, что меня по-настоящему волновало. стыдно... Чувствуешь себя голой, уязвимой.

— Марк... На самом деле, — сдавшись, выдохнула я и повернулась к нему, — нет. Паранойя меня съедает, снятся дурные сны. Кажется, будто это какая-то подсказка, помощь или... не знаю.

Он сгрёб меня в охапку, попутно собирая одеяло; в следующую секунду я оказалась, словно кокон, в его объятиях.

— Лия, извини за вчерашнее... Я... не знаю, как себя оправдать. Да и не хочется. Просто знай, что я рядом и ты можешь поделиться всем, чем хочешь.

— Да, но ты и вчера так говорил...

— И позавчера, — продолжил Марк, глядя мои волосы, — и позавчера, и два месяца назад. И всегда, Лия. Я всегда тебе об этом говорил.

— Знаю, только говорить — не делать. Я тоже устала. Это место, эти люди меня выматывают. И эти новости...

— Давай сегодня никуда не пойдем? Заварим кофе, посмотрим твои любимые фильмы, и ты расскажешь, что не так, хорошо? — предложил Марк с искрящейся радостью в глазах.

— Это хороший план, — слабо улыбнулась я, — мне нравится.

Марк ушёл на кухню греть чайник; я же осталась лежать на диване, растягиваясь и пытаюсь собраться с мыслями, с чего бы вообще начать свой рассказ... И в тот момент в прихожей раздался звонок в дверь.

— Мааарк, ты ждёшь кого-то? — ответа не последовало. — Марк! Дверь!

— Блин, секунду! — прокричал он из кухни.

Я нехотя встала, всё ещё укутанная в одеяло, и облокотилась на дверной косяк у выхода из гостиной.

— Кто там? — спросил Марк. — Ещё раз спрашиваю: кто?

Но и в этот раз с той стороны никто не ответил.

— А в глазок посмотрел? — уточнила я полушёпотом.

— Да, закрыли, видимо.

Прозвучали три громких стука в дверь, и мы в вместе с Марком, совсем не ожидавшие этого, дёрнулись.

— Марк! Не вздумай открывать.

— Тчш.... — он прислонился к двери и стал прислушиваться. — Вроде ушли.

Открыв дверь, мы обнаружили небольшую коробку, которую поставили на входной коврик. Сверху на ней лежала записка, где крупными буквами виднелась надпись: «От Джо».

Марк поднял посылку, настороженно осмотрелся по сторонам и закрыл замок на ключ. Он поставил её на кухонный стол, сел рядом и закопался пальцами в волосы.

— Этот козёл явно не филантроп, чтобы раздаривать подарки по утрам своим старым «корешам». Что происходит, а? — я села на соседний стул.

— Я не знаю, что внутри, но смутно догадываюсь, — Марк достал из пачки, что лежала на столе, сигарету и затянулся. — Просто этот сукин сын так не вовремя...

— Хм, так так откроешь коробку?

— Попозже. Видимо, у меня нарисовались срочные дела, — он стряхнул сигаретный пепел и посмотрел мне в глаза. — Я подвезу тебя домой, а вечером мы поговорим обо всём, хорошо?

— Почему я не могу остаться здесь? — спросила я, надеясь услышать хоть какой-то весомый аргумент.

— И правда, почему... — Марк опустил взгляд в пол, вздохнул, потёр переносицу и проговорил: — Может, ты соберёшь вещи и ко мне тогда переедешь? Больше времени проведём вместе. Отвезу тебя сейчас, а вечером заберу уже с сумками.

— Ты уверен? Просто всё это очень странно, знаешь...

— Понимаю, да, но так лучше: не придётся за тобой мотаться в пригород. Ну, как, лиса, согласна?

— Хорошо, — согласилась я, испытывая странное забытое ощущение...

Я забрала свою одежду, которая лежала на кресле в гостиной, поспешно умылась и он повёз меня обратно. Если это убогое место вообще можно назвать своим домом, конечно.

Когда я зашла внутрь, мне показалось, что за эту ночь стены и полы всё больше обросли пылью; вдобавок ко всему добавился запах плесени. Вещей у меня было не много, так что две дорожные сумки оказались собраны минут за десять.

«Почему он не может быть со мной до конца честным? Насколько сильно Джо зарылся в его нутро?»

Стук в дверь. Снова. Еще раз.

— Лия, открой, это Альберт! Я видел, как Марк тебя высадил. Нам нужно поговорить! — он постучал ещё раз, заметно громче, и я поспешила к выходу.

— Да, Альберт... Неожиданно. Привет, — я приоткрыла дверь, но замерла на пороге, не пуская его внутрь. — О чём поговорить?

— Извини, если потревожил. Вчера вечером не застал тебя дома.

— Да, я была у Джо. Альберт... не знала, что ты всё ещё работаешь в полиции.

— Да, я главный помощник... Могу зайти?

— Конечно, но здесь не очень уютно, — я отступила в сторону, приглашая его жестом войти.

— Ничего, видал и похуже!

Мы прошли с ним в гостиную и плюхнулись на обшарпанный диван, накрытый какой-то ветошью.

— Ну... хочешь чай или кофе? — радушно предложила я, надеясь, что на кухне вообще что-то осталось.

— А, нет, спасибо, — отказался он. — Куда-то уезжаешь? — Альберт кивнул в сторону сумок, стоящих на полу у дивана, не отводя от меня тяжёлого взгляда.

— Кхм, да. Переберусь к Марку. Во вторник дорабатываю последнюю смену в кофейне и, думаю, что скоро уеду отсюда совсем. Ты так и не сказал, о чем разговор?

— К Марку, значит... — он достал пачку сигарет и жестом спросил разрешения закурить. — А вы вчера вместе были у Джо? Во сколько, примерно?

— Альберт, к чему эти вопросы?

— Ты знала, что год назад Марк засветился на краже? — спросил он, шёлкнув зажигалкой. — Его отвезли в отдел тогда, сняли отпечатки. Хозяйка обворованного дома по итогу забрала обвинение. Сказала, что ей всё вернули, пока Марк у нас торчал.

— Нет, я... Что?! Он ничего мне не рассказывал.

— Ещё через пару месяцев взяли за драку. Соседка его вечно жалуется на странные звуки.

Я отвлеклась на шум: в полуразвалившуюся оконную сетку пыталась пробиться птица. Она застряла лапами и бешено билась крыльями о стекло. Альберт поднялся, помог пленнице освободиться, выбросил окуроч в окно и вернулся на диван.

Как я могла ему солгать? Правда начала падать на меня громоздким старым стеллажом, а все книги летели мне в лицо острыми уголками.

— Примерно в девять вечера мы приехали к Джо, — выдохнула я. — Поздоровались с ребятами, немного разминулись, когда Марк пошёл в комнату к Джо, а после — в подвал. Говорит, подрался там. С кем — не знаю. После этого я отвезла его на кладбище, на могилу к матери. Вернулись к нему домой примерно в первом или втором часу ночи.

— М-хм, — Альберт достал разодранный блокнот и принялся фиксировать то, что я ему сейчас наплела. — А с Лаймой вы подрались до или после того, как ты отвезла Марка?

— Так ты в курсе!

— Да, я был вчера в патрульной машине, которая проезжала мимо двора Джо. Марка я тогда не заметил.

— Он находился внизу, только поднимался из подвала.

— Лия, — он тяжело вздохнул, — я знаю, что ты не отвозила Марка на кладбище. Свидетели видели, как вы приехали к Джо вместе, да, но поехала ты на кладбище одна.

— Альберт, и что это за свидетели такие? Те самые, которые не разняли нас с Лаймой? Или которые курили какую-то хрень в общей гостиной? — я пыталась притворно усмехнуться, но почувствовала, как начинаю петлять в словах и нервно ёрзать на диване. Только глупец не заметил бы подобного поведения.

— Хочу предупредить: мы ни в чем не обвиняем ни Марка, ни тебя, — Альберт посмотрел на меня в упор. — Я лишь хочу понять, кто и в какое время присутствовал на вечеринке у Джо. Сейчас мы просто восстанавливаем все события. Так сказать, собираем пазл. Подумай ещё раз, пожалуйста: во сколько Марк ушёл с вечеринки и был ли он один?

— Я... Честно говоря, не в курсе, — выдавила я. — Об этом лучше спросить у самого Марка или у дружков Джо, с которыми он поцапался в подвале.

— Мы уже опросили их.

— И?

— Марк действительно пошёл поздороваться с хозяином дома. Парни говорят, они о чём-то повздорили, после чего Марк пулей вылетел из комнаты и куда-то испарился.

— Я не смогу ничего дополнить. Ничего такого не слышала — была слишком занята своими склоками.

— Да уж, Эрик... — Альберт сокрушённо покачал головой. — Если хочешь, мы можем поместить его в изолятор на пару суток? Я не горжусь тем, что он мой брат.

— Хах, и за что ты его собираешься закрыть?

— Всегда можно найти, за что, — мужчина уставился на мою вздымающуюся от дыхания грудь.

— Как и в случае с Марком? — сорвалось у меня с языка.

— Не в этот раз. Его цепочка была найдена на берегу у Хэйлмут.

— О! Но ведь тело нашли утром?

— Убийцы часто возвращаются на место преступления.

Я не стала ничего отвечать.

«Да и что тут можно было сказать? Разве может мой Марк так поступить? Лгать мне в лицо? И... Убить? А может, он просто кого-то покрывает? Или вовсе не причастен?»

— Хорошо, Лия, — Альберт поднялся с дивана. — Если что-то вспомнишь, возможно, какие-то детали или чьи-то слова, странные тени... расскажи мне, ладно? Я сейчас поеду к Джо.

Я проводила его до выхода и молча кивнула в знак прощания.

— Пока, Лия... Я действительно был рад тебя увидеть, — мерзко ухмыляясь, бросил полицейский.

— Всего хорошего, Альберт, — с натянутой улыбкой ответила я, закрывая дверь.

Дежавю ударило меня дубинкой по голове, сжимая в когтистых руках лёгкие, не давая сделать и вдоха. Паника рвалась наружу, обнажая страх. Страх. Страх.

ГЛАВА 4. КОРОБКА

Сегодня у меня открылась старая рана, которая давно зудела в области грудной клетки. Я готова была разорвать футболку, расчесать грудь до самого сердца и выковырять обиду, что росла с самого приезда.

Альберт забыл пачку сигарет, так что я, некурящая, взяла одну и села у порога входной двери. Закрыв глаза, представляла, что всё происходящее — плод моего больного, травмированного воображения, и всё куда более прозаичнее. Из мыслей меня вырвал звук СМС:

«Если твой муженёк рядом, передай, чтоб не приезжал, тут копы.»

— Джо.

На телефон Марк, как и следовало ожидать, не отвечал. Я решила ненадолго отвлечься и залезла под душ. Как бы мне хотелось, чтобы вода смыла эту агонию.

За последние два часа произошло достаточно для того, чтобы поверить: Марк мне лжёт, Джо что-то знает и вряд ли скажет. Хотя, спрашивать было больше не у кого...

«Ниссан» моего отца стоял в гараже. Я пользовалась им последний раз после похорон матери Марка. После этого Марк всегда был за рулём, а я чувствовала себя как собачка на торпедо — вечно рядом, слушала и кивала головой. Почистила стёкла снаружи, запрыгнула внутрь. Бензин ещё оставался, а ближайшая заправка находилась недалеко от дома Джо, так что мне в любом случае было по пути. По крайней мере, я пыталась себя в этом убедить.

Подключила телефон и включила любимую песню группы «Amenra» — «A Solitary Reign».

«Ну, что может случиться плохого у Джо, да?»

Серый городок, мелькавший за стёклами, напоминал мне чёрно-белые фильмы, где карикатурные персонажи отыгрывают сценки, зазубрив сценарий. Сквозь дым непрекращающегося дождя там, вдалеке, солнце облизывало верхушки елей. Поразительное спокойствие окружающего мира выбивало меня из колеи. Небу плевать на наши проблемы, я знаю, но как избавиться от самого желания стать кем-то большим?, Показать, что ты — это не только твои проблемы, что помимо чёрного в тебе есть и белое? Я больше не могла ответить на эти вопросы.

Мне так хотелось, чтобы вся моя боль стала лишь воспоминанием, которое изредка обжигает мою душу, а не моим настоящим. Не нашим настоящим. Я бы хотела, чтобы в этом мире не было насилия вовсе, не было горестных слёз, что проливаются над могилами. Я бы хотела, чтобы ангелы, оберегающие нас, не стыдились ни наших мыслей, ни наших поступков. Я бы хотела быть вечно хорошей, понимающей и принимающей. Не испытывать страх, не рефлексировать, не сомневаться. Хотела бы, чтобы люди не выбирали «плохое» из-за нужды, которая слепо толкает нас к такому.

На заправке было тихо. Заплатив за бензин и прихватив пару снеков, вернулась в машину. Следующая остановка — страна «грёз».

Входная дверь в дом Джо была открыта, но полицейской машины рядом не было. По сравнению со вчерашним вечером его избушка ощущалась непривычно покинутой.

Во двор вышла Саша, запихивая мусорный пакет в в пластиковый бак:

— О, Лия! Привет, а ты какими судьбами здесь?

— Д-да, привет. Я приехала поговорить... с Джо, — нервно отозвалась я.

— Он у себя, но, честно говоря, не особо в духе, проходи!

Не до конца чистое помещение, где каждый миллиметр провонял дымом и спиртным, наконец-то избавилось от прожигающих его гостей.

«Никогда бы не подумала, что у Джо может быть спокойно.»

Дверь в его комнату оказалась распахнута. Сегодня и вправду был удивительный день! Джо сидел на диване, закинув ноги на столик напротив. Я немного помялась у входа, пока он не обратил на меня своё внимание. А бабочка, что вчера горела кислотным цветом, теперь валялась в углу сломанной.

Джо лениво повернул голову в мою сторону и закатил глаза:

— Ну, это, посмотрите-ка, кого с цепи отпустили. Такой подарок-то и в такой-то день!

— Здравствуй, Джо. Я присяду?

— А чё, не боишься меня больше? Вдруг укушу, ха-ха-ха! — Джо поклацал зубами и расхохотался. Видно было: усталость и ему стала знакома. — Ну, садись, раз припёрлась, Лия, Лияяяя!

Отодвинув чью-то кофту в сторону, я плюхнулась на диван и вытянула ноги на столик.

— Где Марк, Джо? Что он такого сделал, что полиция его ищет?

— О-о-о, ха-ха-ха! Только пришла и сразу с козырей! — хозяин дома задорно подвигался, изображая подобие танца.

Джо быстро успокоился, тяжело выдохнул и потянулся за виски, стоявшими справа на столе:

— Будешь?

— За рулём, — отрезала я.

— Когда тебе это мешало-то?

— Не буду.

Он налил себе в стакан и жадно выпил.

— Слушай, — продолжил он, — Марк когда-то связался с Эриком, задолжал ему кучу бабок. А Эрик, он, это, волк в овечьей шкуре, знаешь, да? — я кивнула. — Вообще мутный поц, хах!

— Ну, Джо, тебе виднее.

— Да я те говорю! Я хоть и не пушистый, но у меня есть свои принципы, нарушать которые никто из моих ребят не станет. За этим уж точно слежу.

— Зачем Марку вообще надо было с ним связываться?

— Да я хер знает, Лия. Пришёл ко мне ночью как-то, весь в крови. Я ему сказал тогда: «Марк, чё за дела вообще?». Ну, так тот говорит, что помощь нужна, будет должен и всё такое; с тех пор, можно сказать, отработал вообще-то. Правда, не все ребята его поддержали тогда. Конечно, не всем он нравится. Короче, ну, ты поняла.

— Не особо... Стало ещё запутаннее.

— Да ты слушай, ну! — Джо приобнял меня левой рукой и стал нервно теребить за рубашку. — Вчера Марк реально в подвале закусился с одним из моих приятелей, ему как раз за прошлое и прилетело. Не знаю, чё его так щемят, вполне себе обычный парень. А копы как раз из-за цепочки его сраной приходили-то. Но, типа, я не знаю, чё он туда пошёл посреди ночи. Кажется, типа, они с Альбертом что-то крутят-вертят...

— Хм, — задумчиво вырвалось из меня. — А сейчас не знаешь, где он?

— Не, не. Я вообще думал, он с тобой, это, как обычно. Телефон я ему сразу прислал... Ну, пареньёк наш младший привёз.

— Так в той коробке лежал телефон Марка?! — удивилась я и подалась чуть вперёд.

— Че? Не, телефон я сказал сразу в руки отдали, так что не знаю, чё за коробка. Ты о чём?

— М, сегодня утром кто-то положил у нашей двери посылку, и там была записка: «От Джо».

— Я чё-то не понял... От меня? — ошеломлённо переспросил он, вытирая пальцами капли спиртного с подбородка.

— Да, я тоже не понимаю теперь.

Джо убрал свою руку, поднялся и стал расхаживать по комнате с сигаретой в зубах:

— Я, кстати, удивлен. Ну, типа, Марк рядом с тобой трётся, а ща ты одна здесь. У меня в спальне, — уголки его губ мерзко поползли вверх. — Коробку открывали?

Весь его шуточный образ рассыпался: наружу показалась серьёзность, отпечатавшаяся на нахмуренном лбу.

— Нет, но Марк, судя по всему, был очень взволнован и куда-то засобирался. Сказал, что вечером заберет меня.

— А у ты ключи от квартиры-то есть? — уточнил он.

— Нет, только у него.

— А поехали-ка посмотрим, чё там? И без ключей справимся. Потом обратно меня закинешь и, типа, ничё мы не делали. Ну, как?

— Я боюсь, — искренне отвесила я, проваливаясь в спинку дивана.

— Ты?! Боишься?! Не ожидал! — Джо подошёл ко мне вплотную и выдохнул дым в сторону, тыча в меня сигаретным бычком. — Бояться надо тому, Лия, кто меня подставить хочет, сука!

Он расслабился и пнул журнальный столик, оставив мои ноги в воздухе на секунду.

— Всё, шевели задницей, а то я ща сам поеду!

По радио в машине заиграла «Special Cases», пассажир выкрутил громкость на максимум.

— Не знала, что ты ценитель такого! — прокричала я ему.

— Чё? Не, это моя сестричка по такому тащится, — тёплые воспоминания, — с теплом ответил Джо.

Я немного убавила громкость:

— Давно не слышала о Лизе, как она?

— Пропала куда-то. Мы, типа, обычно созваниваемся раз в неделю, а тут дела, знаешь... Сама не звонит. Вообще, она приехать же обещала... Вот, на неделе как раз. Хотя, чё я, она же СМС недавно кинула, во!

Он протянул мне телефон:

«Обещаю, что скоро увидимся, со мной всё хорошо, не беспокойся, родной!»

— Лиза

— Мило. Сколько ей уже? — с натянутым радушием ответила я.

— Да лет двадцать вот скоро исполнится. Молодая еще, глупая. Ты мне её, это, чем-то напоминаешь.

— Значит, подколы в мою сторону — исключительно из-за братских чувств? — не отрываясь от дороги, бросила Джо.

— Не, ну, да. Не совсем, короче. У меня тяга к таким потеряшкам, как ты.

— А Саша не потеряшка, — лаконично ответила я.

Проезжая мимо поворота, я что-то уловила боковым зрением: гнетущая тень удалялась вглубь леса.

— Она, типа, мой ангел-хранитель, шаришь, да? Души во мне не чаёт, а я стараюсь не обижать её. Я вот не пойму: а чё ты всё вокруг Марка-то трёшься? Мужика уже сколько, лет 26? Или 27?

— Они были достаточно близки с Сарой, так что её смерть на Марке сказала... Хочу его поддержать, — вернувшись к теме разговора, выдохнула я.

— Ай, да, Сара! А чё на похоронах его девки ты не было в таком случае, а?

— ЧТО? — вскрикнула я, пока мурашки ползли под моей кожей.

— Боже, дорогуша, — он засмеялся, — вы с ним точно друзья?

— Он даже не говорил, что был в отношениях...

— Не-е, я в это дерьмо лезть не буду, сама у него спросишь, — возразил он.

— Джо...

— Не-е, и не надо мне строить глазки!

— Джо... пожалуйста, — практически умоляя, надала я.

Мы повернули на перекрёстке на главную дорогу, ведущую в город. До квартиры Марка оставалось примерно двадцать минут.

— Ему только ни слова не говори, поняла, да?

— Да!

— Ох, да ничё ты не поняла! Короче... — Джо нагло достал сэндвич из пакета на заднем сиденье, который я купила на заправке. — Ты когда уехала, а он загрустил сильно, устроился в местную автомастерскую кем-то там. А там девка в офисе работала, ну, они и задружили. И вот года два вроде встречались. Не знаю, чё там у них и как было, но она исчезла куда-то, может, с моста сиганула. Да и всё, в общем-то. Похороны были тихими: одна лишь колонка в газете. Это, типа, со слов Марка вообще-то!

— С моста у Хэйлмут?

— С него.

На моих глазах навернулись слёзы. Я бы доверила Марку свою жизнь, а он не смог со мной поделиться чем-то настолько тяжёлым... какой из меня друг, ну, правда?

Остаток дороги мы ехали в удушающей тишине, не считая радио. Припарковав машину у подъезда, мы поднялись на пятый этаж.

Джо достал какие-то свои «штучки» из кармана и начал копошиться в замке. Буквально через пару минут дверь была вскрыта, и он по-хозяйнически пригласил меня пройти внутрь.

— Даже знать не хочу, где ты этому научился.

Джо лишь усмехнулся, и мы прошли на кухню, где и стояла та самая коробка.

— Ну, что? — я пододвинула ему посылку, положив записку, валявшуюся на столе, сверху. — Открываем?

Джо внимательно посмотрел на надпись:

— Не, почерк точно не мой.

— Откроешь? — тихо попросила я его. — Всё ещё боюсь.

— Хитрая стала трусливой! Ща всё сделаем.

Из левого кармана, словно маг-волшебник, он вытащил небольшой ножик, размером с ладонь. Я недоумённо нахмурилась:

— Чё? А вдруг посылки, а я без ножа!

Джо разрезал бумагу, которая была обмотана вокруг коробочки, и отбросил её на стол. Сама же бумага выглядела праздничной: она была украшена шариками и надписями «С Днём Рождения!». Очередная насмешка.

Джо открыл коробку, а там... Лежал ровно отрезанный клочок волос и чей-то розовый брелок в виде кошечки. Внутри же коробки, прямо под волосами, виднелась надпись: «Смерть всегда будет за нами, Джо».

Он резко швырнул коробку в стену и стал яростно колотить кулаками:

— Нет! Нет! Сука! Сука!

Глаза Джо мгновенно налились кровью, а бешеная пена, летящая изо рта, смешалась со слезами:

— Я найду... Бля, найду их, сука!

— Джо... Что происходит...

— Сука, Лиза!!! — грубо перебил он. — Моя сестра у них, бля!

— Откуда ты...

— Я ДАРИЛ ЕЙ ЭТОТ БРЕЛОК!

Он снова принялся неистово колотить кулаками, но уже по смятой коробке, а затем рухнул на стул, полностью обессиленный.

- Мы должны вернуться к Марку. Он обещал, что...
- Бля! Если твой дружок действительно причастен, я ему такие покатушки устрою, сука!
- Знаю, Джо... Давай начнем с малого, хорошо?
- Я заберу коробку. И, Лия, — он одёрнул мою рубашку, когда мы поднялись, — никому левому об этом пока ни слова, поняла, не?
- Поняла. А как я объясню Марку исчезновение коробки?!
- А я сам ему при встрече всё объясню! — потирая кулаки, отрезал он.

ГЛАВА 5. ГДЕ ЖЕ ТЫ БЫЛ, МИЛЫЙ ДРУГ?

Казалось, будто времени больше не существует. Сейчас его ход определяет развилка, на которой мы с Джо оказались не совсем по своей воле.

За рулём его глаза казались куда более красными, чем ранее. Пока мы ловили запутавшиеся взгляды друг друга в зеркале заднего вида, во мне впервые за долгое время появилось что-то кроме отвращения и раздражения к этому человеку. То, как он рьяно бросился на поиски ответов, вызывало уважение. На этот миг нас объединила общая проблема, и хотя бы так я не чувствовала себя такой одинокой.

Практически вытолкнув меня из машины, Джо потянул нас в дом:

— Короче, мамзель, план такой: ты сидишь как мышка и не подаёшь виду, что что-то происходит, а я буду в соседней комнате. Короче, делаешь, типа, как обычно.

— Джо... Мы можем все спокойно поговорить!

— Те самой-то балаболить не надоело?! — Он затолкнул меня в гостиную. — Нихера эти твари не скажут те правду, ты же не тупая вроде!

Ожидание.

Капающий кран на кухне с каждой минутой всё больше ощущался молотом, ударяющим мне по вискам. Не знаю, сколько времени прошло, наверно, несколько часов. И все эти миллионы секунд моя левая нога непроизвольно дёргалась, предвкушая грядущую очередную ложь.

Джо не находил себе места и мельтешил передо мной, нарезая круги по дому. В конце концов, он нашёл последнюю бутылку пива, хранившуюся холодильнику его право так называться, вскрыл её ножом и плюхнулся рядом со мной.

Во дворе раздался звук машины.

Звук глушащегося мотора.

Джо поставил пиво на старый камин и скрылся в соседней комнате. Марк дважды постучался и начал открывать дверь — тут-то Джо и потянул его за грудки внутрь, словно вакуум, руками пригвоздил его к стене и начал свой привычный «дружеский» диалог:

— ОТКУДА У ТЕБЯ ЭТОТ БРЕЛОК, МАРК?! — тыкал он почти в лицо Марку розовой кошечкой.

Я поспешила их разнять, но Джо со всей силы оттолкнул меня назад, и я упала, ударившись головой о спинку дивана.

Марк начал кричать — Джо сдавил ему горло, не позволяя издать никакого другого, более внятного звука.

— Прекратите, пожалуйста! — прокричала я, поднимаясь на ноги. — Марк и так всё скажет, хватит!

Джо лишь на секунду ослабил хватку, и Марк отбросил его от себя, пнув в колено ногой. Потеряв равновесие, Марк зацепился за дверной откос проёма, в котором уже стояла я, и с треском оторвал наличник. Старая побелка, также не выдержав удара, посыпалась на наши головы и отвлекла мужчин на миг от этих жестоких игр: едкий смрад гниения коснулся наших ноздрей, вызывая сильные рвотные позывы. Из глаз рефлекторно полились слёзы.

Перепадка прекратилась, когда атмосфера тягучего, тащащего в бездну ужаса окатила нас загобным холодом. Я не выдержала и, пытаясь добежать до лужайки, вывернулась наизнанку прямо на крыльце дома.

Судя по звукам, что раздавались внутри, Джо с Марком принялись лихорадочно вскрывать обшивку стен дальше; краем уха я слышала лишь их матерную брань, но в этот раз она была направлена уже не друг на друга.

Вскоре ко мне подошёл бледный Марк, похлопал по плечу:

— Лия, здесь же нет второго этажа?

— Нет, кх-х... — закашлялась я. — Только чердак.

— Лестница?

— Стремянка в моей комнате, в шкафу.

Он удалился. Я не хотела туда возвращаться — прекрасно знала, что они там могут найти...

— ЛИЯ! ТВОЮ МАТЬ, ИДИ ПОМОГАЙ! — бешено заорал из глубины дома Джо. — И дверь закрой! С этой стороны, Лия!

Кое-как я заставила себя зайти обратно.

Стремянка уже стояла под люком. Марк, не сумев выбить какой-то деревяшкой дверь, ведущую на чердак, передал эстафету новому брату по несчастью. Спустя несколько мощных ударов доски затрещали, проход поддался, и Джо, впихивая свой тучный зад, пролез наверх.

— Думаю, тебе лучше туда не лезть, — Марк мягко отодвинул меня ладонью, видя, как я ставлю ногу на стремянку. — Не хочу, чтобы тебе что-то угрожало.

— Ты сделал достаточно, чтобы было поздно о таком думать... — с грустью в голосе ответила я.

Прикрыв нос и рот плотным воротником футболки, я полезла следом.

Свет уходящего солнца еле-еле пробивался через щели в этот забытый Богом чердак. Потолок был слишком низким: встать во весь рост не получалось. Сгорбленный Джо, весь в пыли, сидел на корточках и истерично, жутко смеялся. Было слышно, как сегодняшний вечер вырвал из его души последний светлый, ранее не тронутый кусок.

Полиция приехала за считанные минуты. К сожалению, здесь было на что посмотреть. Убийца не просто оставил тело разлагаться на чердаке, но выпотрошил, словно рыбу, бедняжку Лизу. Он сломал её рёбра, выломал грудную клетку и... пришёл к некогда юной коже мёртвых бабочек. Их были десятки, нет, сотни!

Внутренних органов в помещении так и не обнаружили. Вообще никаких улик, кроме пары смазанных следов.

«И что теперь расскажут нам в новостях? Был найден труп, который большую часть увечий перенёс ещё при жизни? Скажут, что нам не стоит переживать, но следует закрыть двери плотнее?»

Нас с Марком быстро выпустили из участка. Это удивило меня, ведь совсем недавно у Альберта были к нему... претензии.

Дорога к дому Марка сопровождалась оглушительной, гремющей тишиной. О своих вещах теперь можно было забыть, пока полиция оцепляет и разбирает остатки моего жилья.

В такой же тишине мы сели на диван. Уставившись на стену напротив, продолжали переваривать случившееся, но уже поодиночке — каждый зарылся глубоко внутрь себя. *«Знать бы, почему твой сын мне лжёт, Сара...»*

Я посмотрела на комод, где ранее стояли фотографии:

— Марк, — протянула я.

— Что?

— Фото с твоей матерью. Почему убрал?

На комоде теперь не было никаких фотографий.

— Там давно ничего не стоит. Ты о каком фото вообще? — раздражённо выдохнул он.

— Сколько же сил ты тратишь на то, чтобы так много врать? — вспыхнула я.

— Если у тебя проблемы с головой, то шуруй к психиатру. Не обязательно ВСЁ на меня валить, — уверенно отчеканил он, нарисовав на себе гримасу отвращения.

— Видимо, это был сон, — промямлила я.

Марк ничего не ответил — психанул и ушёл к себе в комнату, звонко захлопнув дверь.

Этот звук раздался выстрелом в тишине. Бешеное дыхание блокировало мои мысли, но он знает. Марк точно знает, о каком я фото говорю. Он знает, что мы с Джо забрали ту посылку. Он не дурак — розовая кошечка отражалась в его зрачках, пока Джо душил его. Марк просто защищается? Ему страшно? Почему между нами разверзлась пропасть именно сейчас? Преодолевая все буреломы жизни и держа друг друга за руку, люди становятся ближе — их связь становится крепче. Вера друг в друга неизбежно одержала бы верх над всей тьмой, роившейся над нами. Если только... если только он сам не был причиной этой тьмы.

Походкой ниндзя я подобралась к его двери, прислушиваясь, лёг ли он спать. Судя по всему, так и было.

« Или я просто хотела в это верить? »

Нужно было понять, что он так тщательно охраняет, но для этого следовало найти его телефон. И... фотографии. Я должна была доказать себе, что не схожу с ума, что меня водит за нос он. Или они все.

Я медленно выдвинула верхний ящик комода. Моя надежда тлела сигаретой, отзываясь в кончиках пальцев покалыванием. Первый ящик... Ничего. Второй... Пусто. Третий, самый нижний... Половица под моей ногой предательски издала скрип, когда я наклонилась. В это же мгновение, превратившись в статую, я задержала дыхание. На секунду показалось, что за моей спиной кто-то есть, но, обернувшись, обнаружила лишь тюль, беззвучно танцующую от порывов морозного ветра.

Пусто.

Сдавшись, я осторожно задвинула последний ящик и решила проверить карманы его куртки, что висела в прихожей. Но в этот момент из комнаты Марка донёсся приглушённый голос. Он с кем-то разговаривал. По телефону. Ну, конечно, Шерлок! Какой смысл ему выпускать из рук потенциальную улику?!

Я прильнула ухом к двери, стараясь расслышать каждое слово:

— Нет.

— ...

— ИДИ К ЧЁРТУ! Я СКАЗАЛ, НЕТ!

— ...

— Мы о таком не договаривались.

—

— Хорошо, я понял.

Послышался щелчок завершённого вызова. Марк шагнул к двери, а я кабанчиком метнулась на диван, умудрившись снова удариться головой о проклятую спинку дивана.

Мне казалось, что я наделала достаточно шума, что Марк будет ругаться на меня или, что ещё хуже, перестанет наконец притворяться тем милым мальчиком, который по ночам обнимает плюшевого зайца. Но он долгое время просто стоял, сжимая в ладонях телефон, и смотрел куда-то мимо меня, будто мучительно раздумывая, как начать разговор. Если вспомнить его несвойственную грубость, то, думалось мне, мысли тяжёлым грузом давили на его плечи. Вечная тайна никогда не остаётся вечной. Она просачивается наружу, заполняя каждую клеточку твоего тела, и, если голос совести ещё звучит где-то внутри, он даёт тебе знать: так дальше продолжаться не может. Ты не справишься.

Пока я растерянно вжималась в угол дивана, потирая свежую шишку, Марк подошёл и сел рядом. Видимо, как и мне, ему было невыносимо тяжело переносить всё это. Вот только мне отчаянно не хотелось бы, чтобы мы оказались по разные стороны баррикад. Не знаю, о чём именно он думал в данный момент, но Марк задрал голову вверх и... улыбнулся. Нет, скорее горько усмехнулся.

Затем повернулся ко мне, вяло, будто окончательно сдаваясь:

— Прости меня за всё. Знаю, я был груб. А ты знаешь, что я не хотел, — Марк положил свою ладонь на моё колено и начал медленно обводить его кругами. — Эти месяцы или даже... хах, даже весь этот год были чертовски дерьмовым!

Не понимая, на что он надеяться, я бережно убрала его руки с моей ноги и пристально посмотрела ему в глаза:

— Мы столько лет знаем друг друга, мне казалось, что мы по-настоящему с тобой близки...

— Ближе тебя у меня никого не осталось! — резко перебил он.

— И у меня никого нет ближе, — комок подкатил к горлу, слова давались с огромным трудом. — Поэтому перестань мне врать! Перестань скрывать непонятно что! Ты делаешь мне больно! Не только тем, что лжёшь, но и тем, что отталкиваешь меня!

— Знаю, знаю, знаю... Я такой кретин, да?

— Надеюсь, не хуже. Пойми, — сама перехватив его ладони, я начала гладить по костяшкам пальцев, что еще не успели зажить, — Я так хочу, чтобы у тебя всё было хорошо! — Мои глаза превратились в самый настоящий слёзопад. — Хочу, чтобы ты справился! Чтобы ты не знал больше боли, которую перенёс. Я говорю это не потому, что я твоя воспиталка, а потому что люблю тебя, дурака! Но ты пугаешь меня. Меня пугает каждый шорох и косой взгляд теперь. Разве ты не видишь, Марк, куда ведёт твоя ложь?

Он виновато потупил взор, явно собираясь с мыслями:

— Я тебя люблю, Лия. Если бы ты знала, как сильно люблю и как сильно пытаюсь уберечь от... От всего этого ужаса!

Марк подался вперёд, уткнулся своим носом в мой нос. В секунду, когда я попыталась отстраниться, он жёстко сгрёб мои волосы своей левой рукой, потянул к себе и впился в губы — словно пытался утолить жажду, которую ничто другое на свете не могло утолить.

Сердце щемило от происходящего. Оно пропускало удары, задыхалось от негодования, от волн чувств и эмоций, что хлестали нас по лицам последние дни. Марк наконец перестал давить, убрал руку и оставил напоследок самый нежный поцелуй, на какой только был способен.

Наше дыхание сбилось. Мы продолжали сидеть в сантиметрах друг от друга, жадно хватая воздух ртом.

— Пока ты не скажешь правду, я не поверю ни одному твоему слову «до», — полушёпотом произнесла я, боясь разрушить и без того хрупкий, внезапно воцарившийся мир.

Марк рассмеялся так звонко, словно сметая всё наблевшее за эти сутки. Этот смех не был злым, вовсе нет. Он напомнил мне детство.

Бледно-жёлтый комбинезон был испачкан уже к полудню. Тогда мы с Марком и парой ребят, приезжавших сюда на каникулы к своим родственникам, ловили лягушек у озера, которое находилось далеко-далеко в лесу. В один из таких дней Марк словил одну толстенную лягушку и подsunул мне в руки, думая, что я испугаюсь или начну брезговать. Но я, вопреки его ожиданиям, прижала её к щеке, а после потянулась губами, чтобы поцеловать. «Ф-у-у!» — протяжно завyli мальчишки, заметив, как я нежно обращалась с этой жабой. Не помню, коснулась ли я её губами, но, выпустив лягушку обратно в воду, полезла слизкими руками прямо к лицу Марка. Тот пытался отмахнуться, но я все равно успела обмазать его нос озёрной жижей. Вместо того чтобы начать ругаться и возмущаться, Марк резво засмеялся, а я подхватила этот смех. К сожалению, то озеро давно высохло, оставив лишь призрачный след в моей памяти.

— Однажды, когда я был пьян, рассказал часть того, о чём молчу. И теперь Джо заплакал за это знание, понимаешь? Я понятие не имею, кто это всё делает и зачем. Но с его большой фантазией устал бороться...

Смех мгновенно исчез, словно глубокая тень, разрезав и без того его усталое, осунувшееся лицо.

— О, милый Марк... Ты меня знаешь, я бы никогда тебя не выдала.

— Да, ты бы никому не сказала, но ведь и Джо молчал... — ответил Марк, посмотрев на меня исподлобья.

— Ты сообщал полиции об этом? Альберт бы наверняка выслушал.

— Да, я ездил к нему после того, как мне прислали ту коробку. Альберт сообщил о цепочке. Зачем мне лезть туда ночью?!

Марк покосился на свой телефон, лежавший между нами на диване:

— Иногда кажется, будто обо мне знают куда больше, чем я рассказываю. Это-то и пугает, Лия.

— Мне знакома эта паранойя. Если взять хотя бы те фотографии или мои сны...

— Сны? Расскажешь, о чём они? — с воодушевлением отреагировал он.

В пучине, ставшей нашим домом, в этой всепоглощающей темноте ночного городка мой мандраж, не прекращавшийся с того самого кошмара, наконец затихал. Хотя нет, я солгала самой себе. Только в этот миг мне открылась правда: мандраж преследовал меня с самого приезда сюда. Я просто рьяно скрывала и подавляла его, лишь бы он не передался моему другу. А может, этот страх перешёл от него ко мне? Я рассказала ему всё как есть, пытаюсь до мельчайших деталей описать ужас, душивший меня раз за разом.

— Это пиздец... Почему ты не рассказала раньше? — со странным изумлением выпалил Марк.

— А ты?! Да и что бы я сказала? Ты бы снова ответил, что я схожу с ума...

— Прости. Я не должен был себя так вести. Прости, прости, прости! — словно ребёнок, играючи, он стал нацеловывать меня то в правую, то в левую щёку. — Но я правда не знаю, где фотографии...

— Ха-ха-ха, хватит! У нас тут серьёзный разговор! — я пыталась увернуться, но Марк всё продолжал и продолжал обмазывать меня своими поцелуями прощения. — Там была фотография, в старой рамке. На ней ты, я и Сара. Это был последний год, когда мы ездили в лагерь, помнишь?

— Да, да! Я её отлично помню. Но, Лия, я не привозил ничего в квартиру и не ставил на комод!

— Тогда кто её принёс сюда?

Масштаб происходящей катастрофы казался необъятным для нас двоих: кто-то умело тянул за ниточки, выставляя нас кукольными клоунами, пляшущими по указке какого-то психопата.

«Но кто был этим психопатом?»

— Марк, ты сказал, что поехал к Альберту в участок, когда закинул меня домой?

— Верно.

— Но его не было в участке, когда ты приехал?

— Да... Он вернулся минут через тридцать или сорок, а потом устроил мне допрос с пристрастием. Долго мы там «болтали».

— После того, как ты меня отвёз собирать вещи, Альберт буквально через несколько минут постучался в мою дверь. Словно ждал...

— Ты... не говорила мне об этом.

— А когда бы я успела?

Пропасть, что успела разрастись между нами, потихоньку притягивалась берегами. Это были пугающие, леденящие душу события, но они парадоксальным образом радовали меня. Радовали осознанием того, что открытый диалог действительно мог объединить нас. Как раньше.

— Цепочка, которую нашли... Её подарила тебе твоя девушка, да?

Марк потёр пальцами нахмурившийся лоб:

— Джо рассказал?

— Не знаю ни о каком Джо!

— Очень смешно... Я боялся тебя потерять, потому и не рассказал.

— Ты бы не потерял меня. Зато я бы знала, что ты счастлив, что...

— Я не был счастлив, когда ты исчезла, — перебил он. — Не подумай, что я какая-то мразь, нет! Она была чудесной, понимающей, но очень... мягкой. Подарила мне эту дурацкую цепочку...

— Если она тебе не нравится, то почему же ты носил её?

— Чувство вины, Лия... Чувство вины.

Марк встал, чтобы открыть балконную дверь. Пластиковая ручка щёлкнула, впуслав ледяной воздух в комнату. Он достал пачку сигарет, поджёг и протянул одну мне:

— Будешь?

— Буду.

— Ты же не курила?

— Недавно начала, — ответила я, затягиваясь горьким дымом.

С балкона открывался вид на город, заставший нас детьми. На тот самый город, который видел наши первые шаги и первые улыбки. Я горько улыбнулась, делая новую затяжку и вспоминая первую валентинку, которую мне подарили в начальной школе. Эта открытка была от Эрика. Марк учился на два класса старше, но, узнав об этом, он страшно разозлился на него. Выследил Эрика и спрятал его рюкзак в женском туалете. А мне потом признался, что хотел первым вручить мне открытку, и достал из своей школьной сумки неуклюжее самодельное сердечко.

« Зачем нам память, что калечит наши души? Я бы хотела помнить только хорошее. Как жаль, что с годами мы всё сильнее цепляемся за прошлое и всё отчаянней боимся будущего. »

— Я не злюсь, что вы с Джо вскрыли квартиру, кстати, — первым заговорил Марк, поджигая уже вторую сигарету. — Надеюсь, что Альберт разберётся с этим раньше.

Я поджала губы, словно беззвучно извиняясь за этот поступок и за то уродливое безумие, что он повлёк за собой:

— Тебя ловили на краже, — уверенно произнесла я. — Откуда взялся долг перед Эриком?

Марк тяжело выдохнул дым в темноту:

— Даже у искренности есть предел.

— Сегодня нет предела вовсе, — возразила я, поглядывая на него.

Переминаясь с ноги на ногу от холода, Марк подпрыгнул пару раз, стараясь растряссти себя, покрутил головой и щёлкнул шеей:

— Мечтаю о горячем какао и тёплом, качественном сне! — задорно выпалил он.

— Качественный сон нам может только сниться, — отрезала я. — Ты снова перевёл тему.

Марк помрачнел, затянулся сигаретой и тихо произнёс:

— Сара долго болела... Когда ты уехала, она уже знала диагноз, просто не рассказывала, не хотела расстраивать тебя.

— Но она была такой бодрой, когда я умчала...

— Она мастерски делала вид, что всё хорошо. Не хотела, чтобы ты возвращалась.

— А когда умер мой отец? — уточнила я, почему-то забыв точную дату его кончины.

— Тогда всё уже было известно. С работой в городе было туго, я еле успевал учиться и подрабатывать за гроши. Я мыл посуду в забегаловке, если помнишь.

— Да, помню. Я же тогда ещё не уехала...

— Хм... Но ты тоже училась. Колледж... для тебя это было важно, я понимал. Именно тогда мы и пересеклись с Эриком. Они ведь с Альбертом из обеспеченной семьи, да?

— Вроде бы, — неохотно подтвердила я.

— Из обеспеченной, точно. Эрик тогда начал какой-то бизнес, втянул туда Джо.

— И Джо до сих пор с ним?

— Нет, что ты. Он быстро ушёл от Эрика. Нашёл себе каких-то ребят и стал самостоятельным «бизнесменом», ха-ха! — Марк невесело усмехнулся.

Стало невыносимо холодно. Марк стащил с дивана одеяло и бережно укутал меня. Сам накинул куртку, и мы продолжили наши ночные откровения.

— И чем конкретно ты занимался? — спросила я, плотнее кутаясь в одеяло.

— Я был курьером, — глухо ответил он. — Нам сильно не хватало на лекарства. Так что я разносил какие-то малогабаритные посылки и документы в закрытых конвертах. Даже иронично, что коробка, которую мне притащили, была такого же плана.

— И когда всё пошло не туда?

— Когда Эрик выкатил мне огромный счёт за потерянные, какие-то «суперважные» документы.

— Но ты ведь их не терял? — я хитро посмотрела на него из-под одеяла.

— Нет, не терял, — Марк подмигнул мне в ответ. — Всё передавал из рук в руки.

— После того как меня несколько раз избили, я стал «отрабатывать». По сути, делал всё то же самое, только не получал по носу. И денег, само собой, тоже не видел.

— Насколько же драгоценными были эти документы, если ты... сколько? Года четыре или пять не мог закрыть этот чёртов долг, Марк?

— Около того, да. Когда ты уехала, я окончательно сдался и обратился к Джо. Не знаю, как именно, но он решил этот вопрос. До сих пор складывается ощущение, что мной просто помыкали. Но с Джо вопрос решился довольно быстро, так что теперь я ничего не должен ни Эрику, ни ему.

Усталость жгла глаза, но я хотела, насколько это возможно, закрыть все возникшие вопросы — даже если это стоило мне сна. Хотя, честно говоря, в тот кошмарный лес я не стремилась.

— Поэтому ты стал воровать для Джо?

— Верно, — кратко ответил он.

— Сколько ещё тебе осталось отдать?

— Нисколько, — Марк покачал головой. — Джо как раз звонил мне, когда я ушёл к себе в комнату. Завтра день рождения его сестры... Точнее, должен был быть. Он просил меня приехать пораньше и... всё организовать.

— О-у... Но ведь её тело... ещё не отдали? — удивлённо протянула я.

— Не отдали. Джо хочет... оплакать таким способом, каким умеет, пожалуй. А потом, как сорвавшийся с цепи пёс, начнёт искать виноватых.

— Ты поэтому послал его к чёрту по телефону?

— Ну и лиса же ты, Лия! Да, Джо очень хотел, чтобы ответ был простым. Но нет... Я не трогал его сестру...

Рискнув, я спросила:

— А что за дела у тебя с Альбертом?

— С кем? — ошеломлённо, Марк искажил гримасу непонимания. — Да... никаких дел, — продолжил он. — Так, иногда цепляемся. Но и живём в одном городе, сама должна понимать!

Мы решили взять небольшой перерыв. Я захотела освежиться и наконец-то что-нибудь поесть. Марк плотно закрыл дверь балкона, и мы с ним разминулись: я ушла в ванную комнату, а он отправился на кухню — готовить нам «королевский ужин», плавно переходящий в завтрак, состоящий из обычной яичницы и пары бутербродов.

Марк также успел сбегать в душ, и мы вместе, краем глаза наблюдая, как занимается бледный рассвет, приступили к еде.

Ужинали мы тихо — никто не хотел нарушать идиллию. Долгожданная искренность стала нашей единственной почвой в эту ночь, а в душе наконец-то зародилась надежда, что всё ещё может быть хорошо. Если бы мы только помнили, что такое это «хорошо».

Марк поставил пустые тарелки в раковину и, дожёвывая на ходу бутерброд, резко повернулся ко мне. Он уставился на меня круглыми от озарения глазами:

— Я вспомнил. Лиза и Джо ведь... мы жили с ними в соседних дворах тогда, верно?

— Эм, да-а... — растерялась я.

— А ты помнишь, какой стишок она часто читала?

Неуверенно подбирая слова, Марк ворошил нашу общую память:

«Тёмная ночь наступила на город.

В пузике тёплом теперь только холод.

Крыльями бабочки тянут за провод —

Крылья порвать этим бабочкам повод!»

Я ошарашенно смотрела на него, пока он произносил эти забытые, стёртые годами и событиями строки.

— Довольно странные стишки для маленького ребёнка... — продолжила я.

— После всего, что мы видели на чердаке, мне не кажется, что это совпадение. Может, она откуда-то это услышала... Или от кого-то.

— От ребят постарше?

— От родителей? — одновременно выдохнули мы.

Голова была абсолютно пустой. Мне казалось, что если наполнить её водой и поставить внутрь цветы, то получится весьма недурная ваза. Хотя для чего-то она сгодилась бы. Глупые мысли вызывали у меня непроизвольные смешки. Марк обратил на это внимание и мягко заметил, что лучше думается на свежую голову. И я знала, что он прав.

Остаться одной в гостиной совершенно не хотелось, так что мы вместе направились в его тёплую, уютную комнату с большой мягкой кроватью. Клянусь, мне хотелось двинуть ему по голове чем-то тяжёлым, если бы он вздумал оставить бы меня на том ободранном диване, повидавшем, ей-богу, всякое.

Полуживые, мы повалились на матрас. Марк накрыл нас двоих тяжёлым одеялом и крепко прижал меня к себе, предварительно пересадив зайца, занимавшего мою половину, на прикроватную тумбочку. Сонная улыбка ненароком расплылась на моём лице — впервые за долгое время, я чувствовала себя по-настоящему дома.

ГЛАВА 6. С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ,

Ночь выявляет все наши пороки, выносит наружу грехи, которые так часто люди скрывают даже от себя самих. Вуаль, разделяющая наш мир и потусторонний, становится зыбким песком, мечтающим о новых пилигримах. Сны же скорее напоминают мост, связывающий нашу реальность с нами, здесь несуществующими.

Ярко-розовая бабочка, что давила мне на глаза весь вечер, теперь украшала общую гостиную в доме Джо. Обстановка праздника, перемолотая с глубочайшим трауром, сквозняком заносила всех пришедших на диван. Там крылья этого неона, распятого над головами, укрывали людей, делали их невидимыми для проблем, что вынашивал в себе внешний мир. Я стояла посередине этой комнаты. Ощущала себя то ли лодкой, которую шторм унёс глубоко в океан, то ли самим этим штормом, надвигающимся на обитателей данного празднества.

Комка в горле больше не было. Не было и трясущихся рук, к которым я уже успела привыкнуть. Но тело не двигалось, оно замерло — ноги намертво приросли к полу. От кончиков пальцев на стопах до самой макушки они передавали жуткое ощущение того, как сантиметр за сантиметром промерзает земля под нашими ногами. Окутанное дымом помещение закупирило мне лёгкие, но мне и вовсе не нужен был воздух — меня здесь, на самом деле, не было. Никто и не обратил внимания, как сумасшедшая рыбёшка плялилась на стену. Начни она биться головой о стол, реакции также не последовало бы. Всем было всё равно.

Из транса меня вывел незнакомец, который бесцеремонно схватил меня за локоть и попытался утянуть за собой в другую комнату. Именно в этот момент лица окружающих изменились. Гниющие куски плоти лоскутами обвивали их тела и, точно змеи, ползли по шеем, рукам и туловищам. Землистого цвета глазные впадины неестественно исказились, а зубы, с которых капала на ковёр чёрная жижа, скалились в мою сторону.

Этот кошмарный сон был иным. Я не проснулась в поту — напротив, я и вовсе превратилась в ледышку, лежащую рядом с ним... рядом с Марком.

Его сонные голубые глаза, вероятно, уже успели просверлить во мне дыру, пока я безуспешно пыталась найти хоть какой-то смысл в том, что засело в моей голове. Я подвинулась ближе и легла к нему на грудь. Его сердце бешено стучало, позволяя мне снова осязать пространство вокруг и чувствовать себя в настоящем. Ненароком мои пальцы стали выводить медленные круги на его груди. Не издав ни звука, кроме томного, едва слышного выдоха, Марк перехватил мою ладонь и скользнул ею к себе под футболку.

На фоне выстуженной комнаты его кожа казалось обжигающей. Не знаю, была ли я мотыльком, что бездумно сгорал, близко подбираясь к солнцу, но эти минуты подарили мне давно забытое ощущения спокойствия.

Марк окончательно проснулся и хриловатым — то ли от пробуждения, то ли от нахлынувших чувств.

— Мы не закончили вчерашний разговор...

Он сполз с подушки чуть ниже, вровень с моей головой, крепко обнял и принялся вдыхать запах моих волос. Теперь я не слышала, как бьётся его сердце, но точно знала: рваное его биение стало нашим взаимным украшением утра. Марк провёл едва прохладным кончиком носа по моему виску, щеке и спустился к шее, оставляя невесомый поцелуй.

— Ты серьёзно хочешь начать это утро с обсуждения происходящего ужаса?! — оторопела я.

— Нет, глупая, — очередной поцелуй в шею напрочь сбил моё дыхание. — Хочу дышать тобой. Состариться, обнимая тебя.

Не ожидая такого ответа, я коротко рассмеялась, попутно отклоняя голову назад и позволяя ему целовать себя.

— Сумасшедший! — шутливо возразила я, шлёпнув ему по плечу.

— После такого я начну кусаться! Предупреждаю!

— Дурак!

Марк стал кусать меня за предплечье, а затем добрался и в область у ключицы. Ощущая, как жар подступает к моим щекам, я заворчала:

— Прекрати! Марк... пожалуйста!

Укусы прекратились, но следующий поцелуй в нежную кожу возле мочки уха стал куда более чувственным. В этот момент его рука переместилась на моё бедро, слегка сжав пальцы, а затем Марк откинул голову на подушку рядом. Его затуманенный, опьянённый близостью взгляд застыл на уровне моих губ:

— Я тебя люблю, — шёпотом, но с уверенностью в голосе произнёс он. — Всегда люблю. Во всё люблю.

Не могу сказать, что он застал меня врасплох. Но когда-то в далёком прошлом, когда он пересосался с половиной девчонок на одной из вечеринок у Джо, это совсем не пахло любовью. С тех пор мы ни разу не поднимали такую тему. Сейчас я лишь боялась, что, ответив ему взаимностью, дам обещание, которое уже никогда не смогу вернуть назад.

И вдруг мысли, ещё пару секунд назад казавшиеся такими важными, начали плавиться. Марк не стал дожидаться ответа, прочитав всё по моим зрачкам — этот проклятый город сгорал, а мы сгорали вместе с ним. Лихорадка окончательно завладела нами. Его горячее дыхание, смывавшее с моих губ остатки недоверия и возражений, подчинило себе весь мир, сместило на себя весь фокус. Руки, скользящие по моим лопаткам и до боли сжимающие рёбра, стали единственным маяком.

Мы потеряли счёт времени. Позволили этому шторму накрыть нас с головой. Я не могла насытиться им, моментами замечая, как проснувшееся вместе с нами солнце танцует лучиками, пробивавшимися сквозь приоткрытые жалюзи, на наших переплетённых телах.

Спустя какое-то время наступил штиль. Мы продолжали лежать рядом, и Марк обводил пальцами мои губы, а затем, аккуратно откинув мои кудри, упавшие на лоб, невесомо пробежался по всем родинкам и веснушкам, нежно завершив это таинство едва уловимым поцелуем.

Шум воды, доносившийся из ванной комнаты, вселял в меня уверенность, что всё произошедшее не было ошибкой. Это было подготовкой. Словно небеса подарили нам то, что вскоре безжалостно отнимут...

Досушив волосы, я в кои-то веке добралась и до косметички. Мне безумно не нравился повод для выхода из дома, но, нанося этот «театральный грим», я становилась кем-то другим. Более уверенным человеком, которого не касались ни смерти, ни сам Джо, чёрт бы его побрал! Час назад он кинул Марку СМС, так что на сборы оставалось от силы полчаса.

На нормальный завтрак времени не хватило. Мы перекусывали буквально на ходу, пока носились по супермаркету, набивая тележку продуктами и снеками для предстоящего торжества. На всё про всё ушло около полутора часов. По дороге к дому Джо мы успели заехать на заправку, чтобы взять себе по стаканчику горячего кофе — с молоком и без сахара.

Мы как раз выходили из дверей придорожного кафе, когда кто-то окликнул нас:

— Эй! Парочка!

Обернувшись на звук, Марк собственническим жестом положил свободную руку мне на плечо, крепко приобнимая.

— О! — ухмыльнулся Эрик, вальяжно шагая на встречу. — Вы тоже к Джо, да?

— «Мы тоже»?! — ледяным тоном переспросил его Марк.

— Да, я решил помочь Джо с организацией... Ну, дня рождения, если это вообще можно так это назвать, — протараторил Эрик, словно оправдываясь. При этом он не сводил плотоядного взгляда с руки Марка, лежавшей на мне. — В общем-то, панихида рано или поздно заканчивается всё равно. Да, Марк?

Улыбка этого напущенного индюка могла бы пробить потолок, если бы на улице он был.

— Иди дрони тихо в уголке и не лезь к нам! — выпалил Марк, едва сдерживая ярость и бешено играя желваками.

— Пис, брат! — Эрик издевательски поднял руки в воздух, якобы сдаваясь. А затем перевёл взгляд на меня: — Прогуливаешь работу, Лия?

— Уволилась.

— Надо же. А я думал, останешься отрабатывать. Ты ведь это умеешь!

Марк сунул мне в руку свой стакан с кофе и рванул на Эрика, с силой толкнув его открытой ладонью в грудь. Эрик отлетел на пару шагов, но в этот момент от припаркованной неподалёку машины истошно закричала «нимфа» Лайма:

— Эрик! Я сколько тебя ждать должна?!

Эрик, мрачно улыбнувшись, многозначительно подмигнул Марку и, крутанув на пальце ключи, не торопясь пошёл к своему авто.

По радио играло что-то из «The XX», когда мы вновь тронулись с места. Марк почти сразу переключил волну на какую-то проповедь, где монотонный голос вещал про очередное спасение души. Посмеявшись, я подключила свой телефон и ткнула на случайный порядок треков из нашей общей папки. Ехать было не далеко, но Марк явно не спешил и не давил на газ, как делал это обычно. Я заметила краем глаза, как его пальцы нервно стучат по оплётке руля:

— Всё в порядке? Эрик такой мудень, ты же знаешь. Лучше не ввязываться с ним ни в какие разборки, — взволнованно спросила я.

— Да, я в курсе, — он почесал трёхдневную щетину и резко свернул с дороги на заброшенную лесную просеку. Проехав чуть дальше вглубь, Марк остановился у обочины и заглушил мотор. — Тебя с ним тоже связывает какая-то *интересная* история? — Он повернулся ко мне всем корпусом. — Раз уж мы начали выстраивать отношения с исповедей, то, думаю, настала твоя очередь.

Честность — двусторонняя сделка. Но если бы мы не столкнулись с этим уродом на заправке и он не стал бы молоть всякую чушь, я бы ни за что не достала эти секреты из шкапулки. Наверно, никогда в жизни. Выгребая оттуда всю грязь, можно перепачкать руки, а сама она начнёт расплзаться по всему салону машины. Внутри меня встал выбор: либо лететь, либо...

— Не хочу давить, Лия, но это не первый раз, когда Эрик несёт про тебя всякое... — Марк бережно взял меня за руку и поднёс к своим губам, целуя. — Мне просто хотелось бы отделить дерьмовую ложь от какой бы то ни было правды.

Набрав глубоко в лёгкие морозного воздуха, я на секунду представила, как вырываюсь из этой тачки и со всех ног несусь глубоко в чащу. Хотелось исчезнуть, раствориться в этом промёрзлом мху... Вот только я знала, что бегство — не выход. Оно бы означало, что всё, что мы обрели — я теряла навсегда.

— Помнишь наш с тобой первый поцелуй на той тусовке? — истеричный смешок вырвался наружу в момент, когда я начала копать в прошлом.

— Конечно... И как я облажался сразу после этого — тоже отлично помню.

— Нет, Марк, речь не совсем о нас. Лишь частично...

Музыка в динамиках сменяла одна другую. Менялись ритмы, слова, экспрессия. Неизменным оставалось лицо Марка, которому я прямо сейчас открывала то, что давным-давно закопала внутри себя. Я ведь уже тогда видела, что он равнодушен ко мне, подмечала это в каких-то крошечных деталях. Но после того кричащего, наглого поведения Марка внушила

себе, что всё это было искусственно нарисовано моим воображением. И только им, как я тогда считала. Эрик же, в свою очередь, с самых начальных классов не давал мне прохода: то дарил валентинки, то дёргал за хвост. И в то утро, сразу после вечеринки, когда я повсюду искала своего друга, а нашла незнакомца в объятиях очередной девицы, сгоряча решила принять предложение об отношениях, которое Эрик чуть ли не силой навязывал мне последние недели.

На этом моменте Марк закрыл глаза и сильно зажмурился, но так ничего и не сказал. Вероятно, он только сейчас по-настоящему понял, что с самого начала всё могло быть иначе. Проще. Настоящая любовь не должна быть такой уродливо запутанной. Хотя чаще всего именно такой и оказывается. Вот только марают и путают всё сами люди.

Наверняка Марк хотел услышать, что наши истории чем-то схожи, что я тоже была должна Эрику. Но это не так. Никакого долга. Одна лишь жестокость и звенящая, неприкрытая грубость. На людях Эрик казался паинькой, чуть ли не олицетворением слова «добро». Всё происходило постепенно. Ровно так же, как варят лягушек: их не забрасывают сразу в кипяток, сначала их опускают в холодную воду и медленно нагревают. Иначе, знай я тогда, какой он человек на самой деле, не стала бы терпеть.

Подсадить меня на эмоциональные качели было проще простого — моя травма брошенности играла на руку пакостливому ублюдку. Заботливое «ты одета слишком легко» со временем переросло в «выглядишь как дешёвая шлюха». Вкрадчивое «куда ты так нарядилась?» — в жестокое «грязная дешёвка». Слова могут копиться годами, капля за каплей разрушая и без того хрупкое ментальное состояние. Хотелось бы мне, чтобы на словах он и остановился, но нет.

Спустя какое-то время я узнала, благодаря сарафанному радио, что Эрик изменяет за моей спиной. И что это не единичный случай. Вот тогда-то у меня и сорвало крышу, и в голове созрел небольшой план мести. Решив проучить блудного пса, я поехала к бабе Марте — выпрашивать отходы жизнедеятельности её любимых животных. Это была большая удача для нас обеих: баба Марта избавилась от излишков навоза, а я собиралась избавиться от морального уродца.

Весомый объём дерьма, который я везла к его дому, пока он сам ошивался хрен знает с кем, грел мою душу. Я успела обмазать им всю его обувь, разложила по куску в каждую из сумок, а также закинула «подарки» в самые укромные уголки по всем комнатам. После этого я накачала шприц разбитыми яйцами, которые уже успели хорошенько протухнуть на воздухе. А перед самым выходом вдребезги разбила его приставку о любимую плазму!

Поскольку в нашем городке земля всегда полнилась слухами, мне было не сложно выяснить, где именно Эрик припарковал свою любимую, едва купленную машину. К сожалению, кто-то из его дружков заметил, как я вылезаю из его тачки (этот придурок даже ключи оставил внутри).

Как я поняла после, к моменту, когда он настиг меня, в своём говно-замке наш принц уже успел побывать. Выломав входную дверь, он ворвался ко мне в дом. Завернувшись в полотенце, я сидела на диване и смотрела какое-то очередное дурацкое ток-шоу по телевизору. Эрик с ходу схватил меня за волосы, швырнул на пол и наотмашь пнул по лицу ногой. Дальше последовали удары руками. Когда пощёчины прекратились, а кровь уже всю затекала мне в уши, он, так и не сказав ни слова, содрал с меня полотенце и начал насиловать.

Я мечтала о смерти в те дни. Потому что около недели он творил со мной вещи, которые простить невозможно. У меня не было родителей, не было вообще никого. Мама Марка, как оказалось, тогда уже тяжело болела, а сам Марк погряз в собственном дерьме. Я осталась один на один с этим чудовищем.

Его брат, Альберт, нашёл меня случайно. Я лежала привязанная к кровати в запертой комнате. Он приехал проверить младшего братца, когда Эрик перестал выходить на связь. На тот момент Альберт вроде как уже служил в полиции или собирался туда устраиваться, но

всё, что он тогда сделал — избил Эрика до полусмерти. Судя по всему, Альберт сразу всё понял, стоило ему только взглянуть на то, в каком состоянии я находилась. Но, вопреки всем ожиданиям, он не встал на мою сторону.

Кое-как приведя меня в относительный порядок, Альберт заставил написать Марку и Саре прощальные записки. Наврать, что меня ждут новые достижения в другом городе. Он лично увёз меня оттуда, оплатил аренду квартиру на год вперёд и настоятельно посоветовал навсегда забыть о том, что произошло. Альберт пообещал, что Эрик пальцем больше меня не тронет, если я не заявлю на него. Но если я решусь пройти против них, то они с лёгкостью выкрутят эту историю против меня самой. С такими связями меня бы просто выставили сумасшедшей проституткой перед любым судом. Как сказал тогда Альберт: «Эрика ждёт большое будущее, не стоит его портить!».

« А меня, видимо, не ждало ничего. ...»

Я панически боялась того, как на это откровение отреагирует Марк. Он не перебивал меня — крепко сжимал мою руку, до предела сосредоточенный на каждом моём слове. После того как я закончила свою монолог, Марк молча открыл дверь и вышел из машины. Немного походив по просеке, упёршись руками в бок, он бессильно присел на корточки.

Я вышла следом, не понимая, что именно сейчас происходит в его голове. Присела рядом с ним на корточки, обняв. В этот момент Марк заплакал.

Не было никаких слов, способных поддержать нас двоих в эти минуты. Но надеялась, что он не натворит никаких глупостей. Такое не проходит бесследно, я знаю. Прошное оставляет глубокие шрамы на теле и в душе, и эти отметины мы обречены пронести через всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.